

Пермь – поле экспериментов

Участники дискуссии: **Михаил Сурков** – куратор, заместитель директора Пермского музея современного искусства PERMM; **Илья Шипиловских** – музыкант, арт-критик; **Юрий Куроптев** – журналист.

Ирина Кудрявцева. **Мой первый вопрос я хотела бы задать Мише. Ты являешься пионером в Перми по части современного искусства, ты одним из первых начал работать с актуальными художниками и с молодыми пермскими художниками задолго до прибытия в Пермь Марата Гельмана. Мы хотели бы начать наш разговор с твоего воспоминания о том, какая была Пермь до 2008 года, чем она запомнилась, насколько художественная жизнь была насыщена событиями, какие это были события?**

Михаил Сурков. Ностальгический вопрос. Действительно, мое попадание в сферу искусства, в сферу культуры произошло в 1989 году, это была среда неформальных художников, музыкантов, поэтов. Понятно, что в то время это называлось андеграундом, тогда краем я даже видел тени сотрудников КГБ, но сам лично с ними не встречался. В тот же период в 1989 году я познакомился и с екатеринбургским андеграундом, конкретно с Б.У. Кашкиным. Это не было специфически художественной средой, это была скорее среда неформального общения, где люди рисовали, пели, музицировали. Не было понимания, что это современное искусство, contemporary art, никто даже не догадывался, что это именно оно, а просто это была своеобразная отдушина, своеобразная субкультура для людей, которым это интересно, как и сегодня это происходит. Только тогда это на официальном уровне не только не

поддерживалось, но и по мере возможности пресекалось. В этот период для меня в Перми появилось несколько людей, знакомых художников, в том числе и старшего поколения, от которых я узнал, что современное искусство и какие-то его разновидности существовали еще и до меня. Об этом я постараюсь сделать проект «Авангард, которого не было» на фестивале «Живая Пермь». Моя задача показать те вещи, которые объединяют всех художников. Объединяет их момент знакомства с искусством, это время, когда у них есть возможность для экспериментов в разных областях. Такие моменты есть у каждого художника, такие моменты я постараюсь объединить. Это будет своего рода история Пермь, начиная с 1970-х годов.

В 1970-х в Перми была группа людей, что-то вроде сквота. Сквот – это великая вещь, когда художники объединяются, «подпитываются» разными идеями, читают книжки. То же самое происходило в Москве, то же самое происходило в Перми, то же самое было и в Екатеринбурге. В Перми издана книга Анны Сидякиной «Маргиналы». Там примерно это время описано 1970-х годов. Павел Печенкин – сейчас кинорежиссер, человек, который проводит кинофестиваль «Флаэртиана», Андрей Безукладников – фотограф, владелец и основатель сайта Photography.ru, еще ряд художников, поэтов, музыкантов. В то время, когда я стал заниматься этими вещами, организовывать выставки в основном, были ребята, которые делали авангардное искусство. Это был не тот contemporary art, который нами сегодня воспринимается как некое достижение, это были эксперименты где-то с сюрреалистическим уклоном, где-то уходящие в область абстракции или минимализма, и это уже считалось прорывным интересным явлением.

Я открыл первую галерею, она была условно галерея, мы ее даже так назвали «Е-галерея». Группа «Не художники», своеобразное объединение людей, которые не занимались искусством, а любили на него смотреть. Ездить в Москву было дорого, неудобно, мы сами рисовали, сами же на это смотрели. Такая была смешная идея. Потом по подобному же принципу сделали галерею, которая выставляла искусство, и якобы его продавала. Такая игра в современное искусство. Как и всякая игра, она имела свое начало, свой конец. Это не очень долго продолжалось, в 1993 все закончилось. Пермь не стояла на месте, возникали разные вещи, которые совершенно не были связаны ни с моей деятельностью, ни с деятельностью кого-то еще. Появился такой художник как Сергей Тетерин. Сейчас он -

один из основателей медиа- и видеофестивалей, сотрудничает в основном с Санкт-Петербургом. Каким-то образом и Марат Гельман повлиял, но очень немного на процесс с фестивалем «Культурные герои XXI века». Он мало кем был замечен в Перми, но все равно что-то такое спровоцировал. Для меня плотное погружение в область современного искусства началось в 1989 и ненадолго прекратилось в 1996, после выставки «История в лицах», которую «катал» по России Андрей Ерофеев, до 1999 года, когда мы открыли первую выставку, тогда она еще называлась «Арт-салон» (Арт-Пермь), мероприятие на «Пермской ярмарке». В 1999 году это была чисто пермская тусовка. Несмотря на то, что был кризис, это был очень удачный в коммерческом плане проект для художников. Все стоило 5 копеек, условно говоря, 100 долларов любая картина, любого размера. Я помню, как тележками вывозили это искусство, а тогда выставляли все подряд. В тот период у художников не существовало понимания, что есть художественный рынок. Они восприняли эту первую выставку как возможность показать свои достижения. Благодаря успеху этого первого салона на следующий салон в 2000 году был организован Арт-форум. Туда приехали достаточно маститые художники таких, как Дмитрий Гутов, Николай Полисский, Эндрю Логонов, Андрей Бартенев. Это было массовое знакомство города с современным искусством. Для меня в то время пермское искусство было связано с фотографией. Мы сотрудничали с Бороздиным, делали фотопроекты, что собственно меня привело к тому, что в 2008 году я помог Николаю Палажченко и Марату Гельману показать «Русское Бедное» в Перми. Что привело к созданию музея современного искусства и к этому явлению, которое называют «культурная революция», хотя мне не очень нравится слово «культурная революция», какие-то ассоциации с Китаем рождаются не самые приятные по поводу культурной революции.

И.К. Насколько в 2000 году приезд Гутова был знаковым?

Юрий Куроптев. Я очень хорошо помню эту выставку, на меня она произвела колоссальное впечатление. Реакция была, очень много было народа. Для меня это было первой прививкой современного искусства. Арт-Форум был абсолютно некоммерческим проектом, делался энтузиастами. Моя одноклассница Лиза Фокина, которая сейчас работает исполнительным директором Ассоциации менеджеров культуры и является руководителем проекта конкурса "Меняющийся музей в меняющемся мире", приняла

участие в нем. На спонсорские деньги привозили художников, которых в Пермь вообще никто не знал. Я общался с местными художниками, они ходили и скептически смотрели на фотографии Полисского, фыркая про себя «москвичи какую-то ерунду привезли». Прошло 8 лет, и за эти 8 лет ничего не изменилось.

Я хотел бы подытожить по поводу этапов, которые прошло пермское искусство. Понятно, что в 1970-80-х годах в Перми, как в целом на Урале, возник андеграунд, который состоял из самых разных творческих сил – художников, поэтов, писателей, актеров и т.д. Когда Союз распался, эта андеграундная прослойка она тоже испарилась, и в Пермь ничего подобного до сих пор нет. Нет каких-то локальных сообществ, групп и так далее.

М.С. Сейчас есть попытка сделать, вырастить такое сообщество. Уже есть помещение, это будет резиденция – сквот. Открыта для всех, можно из Екатеринбурга приезжать.

Анна Пьянкова. Уже прозвучала словосочетание «культурная революция», которое часто звучит по поводу последних трех лет в Перми. Как Вы считаете, революция ли это для Вас? И в данном случае, если да, что она меняет и меняет ли на самом деле?

М.С. Точно не контрреволюция. Почему революция? Потому что реально в России впервые предпринимаются попытки заявить о культуре как о некоем ресурсе, и причем о культуре современной, не о матрешке, балалайке и прочее, а о культуре сегодняшнего дня, о том, что делаем мы с вами, о том, что нам интересно. Изобразительное искусство там одно из направлений сейчас стало. Когда все это начиналось, у меня была идея в большей степени ориентира на пример Бильбао, когда появляется мощный музей, вокруг него возникает инфраструктура, и он является фактором, изменяющим пространство и территорию, и каким-то образом меняющим людей. Но пошли как-то немного по другому пути, сразу стали все менять. Музей еще не построен, у нас нет здания как такового, а уже все меняется со всех сторон, иногда нормативно, иногда самостоятельно. Поэтому революция.

Илья Шипиловских. Точно не эволюция. То, что происходит, это коренное изменение, это правда, но Революцией я бы это не назвал.

Ю.К. А я считаю, что это маркетинговый ход – условное обозначение.

А.П. Что конкретно меняется? Миша, ты говоришь: «да, изменения есть». Вот за эти три года, что-то изменилось?

Ю.К. Давайте, сначала определим, по каким критериям мы будем определять изменения – например, стала ли интенсивней выставочная деятельность в городе?

А.П. Что для вас лично изменилось вместе с революцией?

Ю.К. Материться меньше не стали на улицах (смеется).

И.Ш. Стали больше в помещениях (смеется).

Ю.К. Как написала одна искусствовед, очень мало на выставки в PERMM приходит бородатых мужчин. Кроме Гельмана, Мильграма и Ильи Шипиловских. Обычно на выставки пермских художников приходит очень много бородатых мужчин. Это может стать критерий революционности (смеется)?

И.К. Критерий – состав публики. Насколько он изменился?

М.С. Я могу сказать точно. Потому что я это вижу. На открытие выставки приходит обычно 500 -700 человек иногда больше иногда меньше, но в среднем так. И половину из них я точно знаю, вот на выставке AES+F 2/3 я впервые вижу, какая-то новая публика. Если говорить, что же все-таки поменялось. В разных областях есть еще Сцена Молот - театр, возникший по типу Театра Практика в Москве, занимающийся современной драматургией, точно также музей PERMM, там из «непермской» истории - Марат Гельман и Андрей Родионов. В июне будет фестиваль «Живая Пермь». Посмотрим, пока я вижу, что внутренние изменения не очень революционные, но в этом нет ничего страшного. Это естественный процесс. Правильно Илья сказал, что невозможно человека взять пополам сломать его и сказать, что ты теперь современный художник. Необходимо время.

Владимир Селезнев. Миша, если представить такую ситуацию, что вся поддержка властей прекратиться полностью. Что произойдет? Что останется от революции? Насколько все вернется к Арт-Перми?

Ю.К. Ага, насколько быстро все деградирует?

М.С. Институты, которые уже созданы, они существуют как полноценные государственные институты. Больше денег придется искать самим на организацию выставок. Ничего страшного не произойдет. Бюджет никуда не денется, это уже государственная система, она обязана существовать.

И.Ш. Так как раз государственная система в этой ситуации – не лучшая поддержка. Любая революция должна подписываться частными деньгами. Культурная ситуация, которая в Перми существует, она не будет развиваться пока деньги не пойдут от конкретного человека к другому конкретному человеку.

М.С. Любой бизнесмен сейчас понимает, что он очень сильно зависим от государства.

***А.П.* У нас есть очень важная аналитическая сторона. Я очень ценю, что у нас сегодня есть эксперт, который уже долгое время занимается аналитикой пермской ситуации. Если посмотреть на ситуацию «над», одновременно зная и находясь в ней изнутри. Мне здесь, Юра, очень интересно твое мнение.**

Ю.К. Давайте все-таки попытаемся вычленить критерии и параметры изменений, вот этой самой «культурной революции». Самое важное то, что случилось, что произошло - возник потребитель новых культурных проектов. Это факт. Михаил тут абсолютно прав, таких людей становится все больше. Но надо понимать: эти потребители – одни и те же люди. Грубо говоря, те, кто посещает выставки на Речном Вокзале, приходят в театр «Сцена-Молот», они же приходят на музыкальные и театральные фестивали, они же приходят слушать Илью Шипиловских. Эта прослойка достаточно стабильная, но она растет. Что касается такого показателя, как рост новых творческих сил. Я недаром вначале сказал, что в Перми на моей памяти не возникало пока локальных культурных сообществ: как Сергей Тетерин был главным пермским современным художником, так собственно он им и остается, мы не можем назвать другого человека, который был бы так известен как Тетерин. Но! Появились новые музыканты. Появилась новая генерация очень перспективных молодых поэтов.

Что касается, вопроса денег. Он активно обсуждается «что будет, когда не будет поддержки?», сейчас все держится на деньгах, мне кажется, это неверная ситуация. Тут дело не только в деньгах.

Еще очень важный момент этих процессов. Самое главное появились культурные менеджеры. И это очень важно. Потому что в Перми этому никто никогда не учил, в России этому практически не учат, но поскольку стали появляться фестивали, культурные события, соответственно растет спрос на культурных менеджеров.

И.К. Мы вот сейчас затронули тему новых героях, о тех инициативах пермских, которые возникают сейчас. Насколько сейчас после мощного энергетического толчка, культурной волны пермские художники, молодые инициативные ребята активизировались? Есть ли какие-то достойные проекты, которые могли бы конкурировать с московскими явлениями? Появился магазин «Пиотровский», группа 8 tripping horses вышла на московский российский масштаб, появился интернет-проект Соль. Насколько это заслуга «революции»?

М.С. Соль заслуга революции. Недавно был в интернете всплеск, Андрей Агишев заявил, что пермский сериал «Реальные пацаны» - вот пример, никак не связанный с культурной революцией и с Гельманом, действительно, формально никак не связанный, но, тем не менее, я напомним, что первая серия снималась в Музее современного искусства. Факт такой. Мы даже подали их на премию в области культуры Пермского края.

Ю.К. На премию «Инновация»? Пацаны в плену «революции» (смеется).

М.С. Это что касается пермских инициатив. «Пиотровский» - пример, когда ребята сделали магазин абсолютно самостоятельно. Они взяли за основу Фаланстер. Советуюсь, обсуждая, разговаривая сначала с магазином Фаланстер, сейчас они существуют достаточно самостоятельно. Ну а Соль изначально проект, который инициировал Марат Гельман, но сейчас он от этого проекта уходит. Идея была создания федерального издания, существующего не в Москве, и они сейчас стараются занять свою собственную нишу, уже не связанную с какими-то конкретными персоналиями, у них расширяется круг инвесторов.

И.Ш. Вот поэтому Ваня Колпаков и не приехал. У них так расширяется круг инвесторов, что им кровь из носу нужны деньги на Соль. Я еще хочу сказать дальше тогда, Вы спрашивали про пермяков, которые выходят на новый уровень. Могут – не могут. Тут суть вот такая, те, кто хотят выйти на этот новый уровень, они понимают, что для того, чтобы существовать допустим в арт-среде, нужно пройти некоторый обряд «легитимизации». Для России, по-моему, все очень просто. Отучится либо в Школе Родченко, либо в ИПСИ, либо где-то еще на Западе. Только через это ты можешь попасть в тусовку, чтобы считаться современным художником, того уровня, которого ты хочешь. Соответственно, Пермь никак не вписывается в этот процесс. Но Пермь могла бы стать следующим этапом. У моей хорошей подруги, которая учится в Школе Родченко, на стене нарисована схема: от того, где она была полгода назад до конечной цели, допустим музея МОМА. У нее расписан каждый шаг, ни для кого не секрет, что нужно сделать, чтобы стать современным художником. Ты иди, но только пройди эти стадии, если сможешь, конечно. Нужно, чтобы Пермь была на этом пути для художника, тогда вся эта «культурная революция» будет иметь смысл действительно.

***В.С.* Вот на самом деле, если сравнивать Пермь с той же Самарой. В Самаре там реально был какой-то, по крайней мере год назад, художественный бум. Я приезжаю, и вокруг меня сто человек художников молодых. Почему в Перми такого нет? Там нет в Самаре Гельмана, они в каких-то сквотах все сидят.**

И.Ш. Это правда, большая беда. В принципе в Перми я не знаю большого количества людей, которые стремились бы стать этими художниками.

В.С. Мне кажется, в пермской ситуации воспитываются не художники, а потребители искусства, тусовщики, знатоки современного искусства.

М.С. А ты сможешь вспомнить известных художников из Бильбао?

В.С. Конечно, нет. То есть, ты хочешь сказать, что Пермь к этому не стремиться?

А.П. Тогда вопрос о результате революции.

М.С. Я знаю, что стремятся, но по-своему.

А.П. Мне кажется, что нужно вспомнить еще, что мы не можем говорить про «культурную революцию», как отдельно про культуру. Пришел какой-то классный дядька, сказал, а давайте у нас тут будет культура, и всплеск получился. Все-таки надо помнить о том, что мы говорим про определенную политическую волю, это некая стартовая точка, от которой все развивается. Раз есть определенная политическая воля, следовательно, есть определенная политическая программа, и в этой политической программе есть свои цели, задачи, приоритеты, а главное миссия. От этого нужно идти, думая про то, что мы имеем. На мой взгляд, большое счастье, что такая политическая программа появилась. Сейчас важнее вопрос о том, насколько это станет политической технологией и привьется. Мне кажется, интересней говорить сейчас о том, насколько это стало тиражируемым продуктом. То, что сейчас Гельман и пытается продвинуть в той же Твери, Казани, Самаре.

Ю.К. Мне кажется, что талантливые ребята в Перми есть, не надо эту ситуацию так уж драматизировать. Эта генерация молодых художников она сейчас находится в младенчестве, она напитывается сейчас.

А.П. Мне тоже кажется, что это пока не такой уж сильно показатель успешности/неуспешности проекта в целом. Потому что процесс производства художников он гораздо длительнее, чем процесс производства менеджеров. Об этом я, например, всегда плачу в отношении нашей Екатеринбургской Академии современного искусства, которая все свои усилия тратит на то, чтобы производит менеджеров, не тратя несколько усилий на то, чтобы производить художников. Пока так, может быть, ситуации тоже изменится.

М.С. В принципе я с тобой согласен насчет политической воли, только хочу момент такой отметить, что эта политическая воля, она все-таки возникла на базе капитала. Если бы капитал не позволил бы себе потратить такие деньги на этот проект. Я имею ввиду, частные инвесторы потратили свои деньги. Изначально ведь проект, который у нас возник – это была частная инициатива. Вот это нельзя забывать. Власть просто смотрела со стороны, да, она это позволила. Я имею ввиду выставку «Русское Бедное».

А.П. Частная инициатива сенатора Гордеева.

Вопрос. А какая у него мотивация была?

И.Ш. Гордеев любит Пермь.

И.К. А почему он не любит пермскую промышленность? Почему бы ему не восстановить какой-нибудь завод? Почему современное искусство выбирается в качестве инструмента?

Ю.К. У нас заводов не осталось (смеется).

И.Ш. Мы вокзалы берем (смеется).

М.С. С заводами тоже каким-то образом придется разбираться. Так или иначе, сейчас же сказано, что нужно передавать пустующие пространства под современного искусство. Такие пустующие пространства в Перми тоже есть.

И.Ш. В Перми еще существует проблема, даже когда эти пространства есть, почему ими не занимаются. Есть всего одна галерея, которая занимается только современным искусством. Почему у нас не появилось галерей?

Ю.К. Ситуация какая. Как возник голландский натюрморт? Появился спрос, соответственно художники его восполнили.

И.Ш. Все правильно, сейчас в Перми спрос на современное искусство не возник. Как было, так и осталось.

Ю.К. А в Екатеринбурге он возник? Много у ваших родителей, и у вас лично предметов современного искусства дома?

В.С. У нас галерей, на самом деле, ни одной нет по большому счету, которые бы специализировались на современном искусстве. Так что про Екатеринбург в этом смысле вообще нечего говорить.

И.Ш. У нас же три года активно напитывается среда, показывается, рассказывается, предлагается. Но частных инициатив нет. В этом, мне кажется, беда. Были бы живые деньги, появилось бы гораздо больше. Хотя, возможно, отчасти повлиял кризис.

А.П. Частный капитал и коллекционеры – это люди, которые распоряжаются свободными активами. Это рискованный вклад, просто еще не достаточно в регионах внутренней гарантии у коллекционеров, что твоя покупка является инвестицией. Это то, что со временем происходит. Коллекционера вырастить – это практически так же сложно как вырастить художника.

И.К. Но я хотела бы вернуться к той проблеме, которая назревает с каждым годом. Есть прекрасные пермские проекты фестиваль КАМWA, Флаэртиана, которые были изначально, еще до 2008 года были серьезными интересными событиями. Как они сейчас в условиях навязанной монополии современного искусства выживают?

М.С. Насколько я понимаю, выживают они нормально, если говорить о некоторых проблемах, которые озвучиваются, я слышал только о концептуальной проблеме с фестивалем КАМWA.

И.К. Вы как пермяки чувствуете утрату пермских серьезные крупных проектов, брендов Перми?

И.Ш. Если вдруг КАМWA пропадет, я буду чувствовать огромную утрату.

Вопрос: Некоторые уходят совсем глубоко, апеллируют, что есть некоторые пермские архитипы, которые прорастут вне зависимости есть деньги или нет. Люди, которые относят себя к современному искусству, они должны сразу отринуть то, что было или все-таки взаимодействовать с местным контекстом?

Ю.К. Это очень хороший вопрос, потому что, когда началась эта культурная «заваруха», пермская творческая интеллигенция встрепенулась: почему мы даем деньги на современное искусство, и не даем на традиционное. Но за 10-15 предшествовавших лет не было издано ни одной монографии по «пермским богам», пермскому звериному стилю и другим традиционным пермским культурным брендам.

М.С. Переиздали Н.Н.Серебренникова.

Ю.К. Серебренникова переиздали Агишевы, фонд «Новая коллекция», относительно недавно – год или два назад. Приход «московских варягов» выявил конфликт, который уже был заложен в пермской культуре. Пермское культурное сообщество в течение длительного времени никак себя не проявляло. И оно абсолютно не было готово к приходу такой мощной московской интервенции. Но кто в этом виноват? Не москвичи. Виновато

само культурное сообщество – вялое, инертное. Поэтому сейчас весь дискурс по поводу этих процессов замыкается на «распиле бюджетного бабла». Неужели не о чем больше говорить? Проблем на самом деле очень много. Работы много. Надо писать монографии. Почему никто не пишет книги про пермских художников? Почему их не продвигают люди, которые получают за это бюджетные деньги?

М.С. Власова сделала книжку, недавно вышла.

Ю.К. Пермским культурным наследием на самом деле никто не занимается.

И.Ш. Были на самом деле очень хорошие проекты В. Пацюкова из ГЦСИ «Вектор Перми». Московский куратор, который знает как подать, он работал с пермским материалом. Последняя выставка «Берега» была очень сильная, она в рамках биеннале графики проходила. Опять же если бы не было Пацюкова, никто бы это так не подал, и никогда бы это не заиграло таким образом, как это выглядело.

М.С. Я понял больше о пермской ситуации, чем я знаю.

Ю.К. С кем бы из художников ты не говорил, все просто восхищены Пацюковым, его никто за чужака не считает. Пермские художники, вот эти пять человек, которые удостоились работать с ним, ими никто так не занимался в Перми.

И.Ш. Если еще немного подумать, почему у нас не пишут монографии, это все опять же из-за людей. Из года в год, люди все, которые хоть что-то пытаются делать и действительно активные, они уезжают. Остаются как раз те, которые готовы сидеть и ждать, а потом закричать «а почему мне-то не дали», до этого ничего не сказав.. И сейчас продолжается то же самое, большинство людей, которые действительно хотят что-то сделать, изменить или измениться, они все равно уезжают из Перми. Пермь – это не город, в который стремятся.

М.С. Есть и обратный процесс. И приезжают.

Вопрос: Может что-то заставит Вас остаться, есть какой-то выход из этой ситуации?

И.Ш. Есть, конечно. Я бы с радостью остался, если бы мог применить себя, работать за деньги, на которые я бы мог себе позволить жить. В Перми я не могу себе найти такой работы.

***А.П.* У меня вопрос по культурной журналистике. Появилось большое количество проектов, пространство очень сильно насытилось, естественно, что как-то должно поменяться медийное поле. Случилось ли это? Юра, тебе как журналисту стало интереснее работать?**

Ю.К. Конечно, медиапространство Перми изменилось. Но это не связано с культурной революцией, которая прихлась на самый разгар кризиса. Это глобальные процессы: «бумага» теряет для инвесторов привлекательность, появились электронные издания. Но редакторы по-прежнему уделяют не самое главное место культуре, хотя в их менталитете происходят изменения. Я помню, работал в газете «Деловое Прикамье», начинал в 2004, тогда собственника от слова «культура» просто трясло. Разными путями я находил возможность, чтобы писать какие-то заметки, рецензии и так далее. Потом, когда это вошло в тренд, когда первые лица стали появляться на выставках, когда он увидел, что в кадре стоит Чиркунов, губернатор Пермского края, с каким-то художником, и бизнесмены посещают выставки, тогда ситуация немного улучшилась.

И.Ш. Никто почти не пишет рецензий, нет аналитики того, что можно видеть на выставке. Многие просто берут, перепечатывают пресс-релиз, иногда они меняют параграфы местами, но никто не пытается собственно рассказать человеку, что он увидит, когда придет на выставку. Интерпретацию дать, что-то подобное.

Ю.К. Культурная журналистика, если мы под ней понимаем не написание колонки светской хроники, а именно аналитику, рецензирование того, что ты увидел, услышал, ее в Перми нет. Есть два-три человека, которые пытаются анализировать ситуацию не с точки зрения «понаехали тут» и «опять они пилят бюджет».

***И.К.* Есть ли специализированные какие-то СМИ, посвященные культуре, искусству?**

Ю.К. Забыл сказать, что благодаря «культурной революции», мы сделали литературный журнал «Вещь». В Перми никогда не было литературного журнала, как, например, в Екатеринбурге.

М.С. Андрей Родионов сейчас выпускает газету «Речной вокзал», пытается делать. Сейчас второй номер появится. Простенькая газета по типу газеты Винзавода. Что касается наличия критиков, аналитиков в Перми. Это сегмент реально не развит.

***Вопрос:* Все-таки что нужно? Образование, мотивация, чтобы люди не переписывали пресс-релизы, а могли написать хотя бы что-то от себя?**

Ю.К. Мне кажется, нужно желание.

И.Ш. Необходимо учить языку и напитывать идеями. У человека должны быть мысли в голове.

***Вопрос.* Сегодня я услышал несколько проблем, как я понял, что в Перми на данный момент нет художников и культурных журналистов. Есть некая проблематика в этих аспектах. Тем не менее в Перми становится все больше и больше выставочных проектов и фестивалей. Фестивали способны изменить ситуацию с этими двумя компонентами?**

М.С. Я считаю, что и планомерная работа должна быть, которая в принципе и ведется. Фестивали они создают эту историю, благодаря фестивалям появляются арт-менеджеры и проявляются новые художники. Я художниками занимаюсь, поэтому говорю про них. Там еще есть музыканты, актеры. Это все благодаря фестивалям, в принципе. Но фестивали это ограниченные рамки, это какое-то время, подготовка потом его проведение, а если бы была какая-то институция, если бы каким-то образом переформатировали Институт культуры.

Ю.К. Что касается еще фестивалей. Был хороший вопрос. О том, что большое количество фестивалей проходит в Перми и одна из претензий, которая Шостина озвучивала, в том, что фестиваль проходит две недели. Она бы хотела в течение года работать над фестивалем, выращивать молодых талантливых музыкантов, а средств на это нет, деньги выделяются в течение определенного времени. И это большая проблема. С моей точки зрения, Перми не нужно столько фестивалей. Все равно фестиваль – это праздник, а нужны институции, нужно работать.

М.С. Когда сейчас высказывают предложения «давайте сделаем небольшой европейский город в период с 1 июня по 26 июня». Я это воспринимаю, как в прошлом году на Пикнике «Афиши» я зашел в сквер Оперного театра, у меня было ощущение, что я без визы границу пересек. Будто я попал в Вену.

***Вопрос:* У меня вопрос по поводу образовательной программы. Аудиторию необходимо воспитывать, чтобы она была подготовлена. Есть ли в Перми какие-то программы, серии лекций, посвященные современному искусству, культуре?**

Ю.К. Есть, и они пользуются очень большой популярностью. Это то, что более всего мне нравится. На Речном вокзале, когда приезжает тот или иной художник всегда собирается огромное количество молодежи. Глядя на это, ты понимаешь, несмотря на весь пиар, на огромное количество всевозможной лести, эти сто человек, которые пришли сегодня, завтра-послезавтра они себя проявят в том или ином качестве.

И.Ш. Ну это про мастер-классы. А постоянно сейчас в Университете открылась платная программа «Арт-бизнес», я знаю, потому что там Дмитрий Вяткин читает лекции про реализм, это любому стоит послушать.

М.С. Каждую среду и пятницу, мы на Речном Вокзале проводим семинары внутримузейные, но на них мы также зовем волонтеров, которые у нас работают. Тут проблема в том, чтобы заниматься образованием, нужно иметь лицензию на образовательную деятельность. Пока в формате энтузиазма мы это делаем.

Ю.К. Еще одна институция появилась «Открытый Университет». Они привозят писателей, ученых, критиков и т.д. Недавно приезжал Александр Кабаков, до него – Татьяна Толстая и Наталья Иванова. Они на разных городских площадках проводят лекции.

И.Ш. Как бы там не закончилась «революция». Два момента: появился книжный магазин «Пиотровский», теперь в Перми вообще не проблема купить любую литературу, периодику на любые темы, а второе, я очень надеюсь то, что должно идти в связке с первым это скейт-парк, который построили недавно в Перми, у нас крупнейший в Европе открытый скейт-парк. Я знаю, какая это кипучая и на самом деле мощная молодежная среда. Им бы на своих скейтах доезжать до книжного магазина. Человек иначе

воспринимает действительность, он видит город иначе, а это уже залог. На «Живой Перми» я хочу сделать проект – фотокнигу, которая как раз будет про доски и книги.

И.К. Я хотела бы завершить нашу беседу на лирической несколько ноте, и задать последний вопрос нашим гостям. Мне интересно Ваше мнение как пермяков как профессионалов в своей области, какой Вы видите Пермь через 5 лет, какой Вам мечтается, чтобы Пермь была? Какая должна быть Пермь – город мечты?

М.С. В принципе каждый из нас так или иначе уже дал понять, чего мы хотим. Для меня идеал города, то, что я видел в прошлом году на пикнике Афиши.

Ю.К. Ага, город будущего – это город, в котором постоянно идет пикник Афиши (смеется).

И.Ш. Я хочу, чтобы в нашем городе было больше любви.

Ю.К. Я согласен: хочется, чтобы в городе было много красивых девушек (смеется).

М.С. Я помню мое знакомство с нынешним министром культуры Пермского края, он сказал фразу, которая мне запомнилась: «Ресурс любви неисчерпаем».

Лекция состоялась 28.03.2011

*Екатеринбург,
Уральский филиал Государственного Центра современного искусства*

Расшифровка: Ирина Кудрявцева

По вопросам использования материалов расшифровки просим обращаться по адресу uralncca@gmail.com